

ЭРНСТ МАЙ: "РАЦИОНАЛЬНОЕ" ЖИЛЬЕ ДЛЯ РОССИИ

УДК: 72.03

ББК: 85.113(2)6

Идентификационный номер Информрегистра: 0421100020\0065

Меерович Марк Григорьевич

доктор исторических наук, кандидат архитектуры, профессор,
член-корреспондент Российской академии архитектуры и строительных наук,
член-корреспондент Международной академии архитектуры.
Иркутский государственный технический университет,
г. Иркутск, Россия



Аннотация

Статья продолжает тему исторической реконструкции советской градостроительной политики в период первых пятилеток и роли иностранных архитекторов в процессах формирования среды соцгородов-новостроек. См. в рамках данного тематического цикла в журнале «Архитектон»: Меерович М.Г. «Концепция социалистического расселения», Меерович М.Г. «Типология массового жилища соцгородов-новостроек 1920-х-1930-х гг.»; Конышева Е.В., Меерович М.Г. «Берег левый, берег правый: Эрнст Май и открытые вопросы истории советской архитектуры» (на примере проектирования соцгорода Магнитогорска).

Статья базируется на анализе широкого круга архивных материалов и других первичных источников. Раскрываются причины приглашения Э. Мая в СССР. Формулируются вопросы, требующие своего углубленного изучения.

Ключевые слова:

город-сад, советский рабочий поселок, соцгород, индустриализация, градостроительная политика в СССР

Среди архитекторов, оказавших решающее влияние на историю архитектуры XX века, имя Эрнста Мая (1886-1970) незаслуженно затерялось. Оно почти ничего не говорит специалистам. Но вклад этого человека в технологическую эволюцию европейского и, в особенности, советского градостроительного проектирования, не только начального периода индустриализации, но и последующих десятилетий, огромен.

В Германии на сегодняшний момент выпущено около четырех десятков книг, посвященных творчеству Э. Мая, в которых закреплена его роль как одного из лидеров немецкого массового жилищного строительства для рабочих середины – конца 1920-х гг. XX столетия. Однако в этих книгах советский период его биографии освещен поразительно скупо и формально.

Удивительно, что и в России до сих пор не издано ни одной монографии, посвященной его работе в Советском Союзе. Прежде всего, потому, что, начиная с середины 1930-х гг., советская историография, вынужденная озвучивать лишь официально допустимые трактовки разъяснения событий и фактов, представляла его деятельность как ошибочную и чуть ли не вредительскую. Хотя, в отличие от многих других архитекторов, он приехал в Советский Союз не сам по себе, убегая от безработицы, охватившей в тот период Европу, а по персональному приглашению руководства одной из влиятельных советских организаций. На весьма привлекательных условиях и с довольно широкими правами и обязанностями. Но обо всем по порядку.

Интерес советского руководства в 1920-1930-х гг. к германской строительной практике не случаен. Строительство поселков для малоимущих слоев населения, которое происходит в этот период в Германии в рамках социальных инициатив муниципалитетов, основывается, как это не удивительно, на тех же требованиях, которые провозглашаются как требования к жилищу, возводимому на общегосударственные средства советскими ведомствами для рабочих и служащих – максимальная экономичность, стандартизованность, рациональность, технологичность возведения, максимально возможная скорость проектирования и строительства и т.п.



Рис. 1. Заграничная экскурсия инженеров-строителей и архитекторов в Германию (1927 г.): Андреев Н.А., Волков Н.А., Саркисов В.С., Герасев А.Я. Грессик М.Я., Новак А.О., Новиков С.А., Виганд К.П., Равдин Д.И., Кулябко В.Г., Суханов Г.Н., Воробьев Г.П. (Источник: Современное строительство Германии. Первая заграничная экскурсия инженеров-строителей и архитекторов. М.: Гостехиздат. 1929.- 224 с., С. 10)

Причем, практика демонстрирует, что в Германии инициативы муниципалитетов по массовому возведению дешевого жилища достаточно эффективно решают задачу ликвидации жилищной нужды. Так, городское управление Франкфурта-на-Майне в 1925 г. принимает 10-летнюю программу жилищного строительства, которая предполагает в 1926 г. возвести 1200 квартир для малоимущих слоев населения. Реально же возводится почти в два раза больше – 2200 квартир. В 1927 г. вместо запланированных 1400 квартир, опять строится в два раза больше – 2855. В 1928 г. программа вновь скорректирована в сторону увеличения – на последующие четыре года намечается возведение уже по 4000 квартир в год.

Поэтому и само жилище для немецких рабочих, возводимое в рамках программы ликвидации жилищной нужды, и его авторы привлекают пристальное внимание представителей руководства советских ведомств, перед которыми в середине 1920-х гг. стоит аналогичная задача – масштабного осуществления рабочего жилищного строительства. Как следствие, осенью 1927 г. с целью изучения опыта жилищного строительства отдельных кварталов и целых рабочих поселков в Германию направляется делегация ряда крупных советских строительных организаций – Строительного директората ВСНХ РСФСР, Стройконвенции, Мосстроя, Госпромстроя, Текстильстроя, 3-го Государственного Хлопчатобумажного треста, Главэлектро, Югостали, Индустроя, ВСНХ Азербайджана, Азнефти, НИГРЭСа, завода «Красное Сормово» (рис.1) [2, С. 224].

Эти ведомства в тот период являются основными застройщиками жилья для рабочих в СССР. Советская делегация, помимо многих иных объектов, посещает Штуттгартскую выставку «Жилище» («Die Wohnung») и изучает возведенные и еще строящиеся тогда в Германии рабочие поселки: Бритц (Берлин, арх. Б. Таут) (рис.3,4,5), Тёртен (Дессау, арх. В.Гропиус) (рис.2), Праунхейм, Максориц и Брухфельдштрассе (Франкфурт-на-Майне, арх. Э. Май) (рис.6,7,8,9,10) и др. Заметим, что все эти архитекторы впоследствии получили приглашение приехать в СССР на работу. Бруно Таут и Эрнст Май приглашение приняли, Вальтер Гропиус отверг.

Германские пригородные рабочие поселки привлекают внимание руководства советских строительных ведомств еще и тем, что соответствуют, каким бы невероятным это не казалось,



Рис. 2. В. Гропиус. Застройка поселка Тёртен. Дессау. Фото с натуры. (Фото Мееровича М.Г., 2006)

базовыми положениям марксистской доктрины: обеспечивают разукрупнение существующих городов за счет строительства автономных пригородных поселков-спутников, лишены негативных последствий чрезмерной плотности застройки; свободны от высокой земельной ренты существующих городов; располагаются в более привлекательных, чем существующие города, гигиенических и природных условиях; обладают фиксированным числом населения, а также социальной, инфраструктурной и



Рис. 3. Б. Таут. Застройка поселка Бритц, Берлин. Фото с натуры. (Фото Мееровича М.Г., 2006)

бытовой самодостаточностью; являют «блестящие перспективы ... в смысле улучшения состояния здоровья и физического развития, ... перенесения постоянного времяпрепровождения жителей и их семейств за черту скученных городов» [2, С. 74]; практически воплощают заповеди основоположников марксизма-ленинизма о «слиянии города и деревни».

В новой застройке Берлина, Франкфурга-на-Майне и Дессау советскую делегацию привлекает то, что это типизированная и стандартизированная, массовая застройка, как по планировочным решениям, так по конструкциям и способу монтажа. Этот момент особенно важен, так как разработка типовых приемов застройки, оптимальной номенклатуры возводимых жилых домов и общественных сооружений, типовых профилей улиц (с учетом различия в их функциональном назначении – жилые, транспортные и т.п.), тиражируемых решений благоустройства и озеленения, конкретного сортамента внутреннего оборудования дома и т.п. принципиальным образом преобразует традиционные процессы проектирования и строительства – удешевляет и ускоряет их.

Совпадает, как это не удивительно, и финансовая сторона. Так, во франкфурских поселках (Праунхейм, Ремерштадт, Ниддабекен, Брухфельдштрассе) финансирование строительства осуществляется по долевым принципам: а) средства из общереспубликанских источников, б) муниципальные – в виде кредита, отпускаемого из сумм квартирного налога, в) средства, вносимые строительными фирмами и жилищными акционерными обществами. То есть региональный, муниципальный и частно-предпринимательский капитал [3, С. 71]. Кроме того, главным организатором жилищного строительства выступают не крупные частные строительные фирмы, а общественно избираемый административный орган – городское управление Франкфурга-на-Майне [1, С. 70]. В советском варианте подобное долевое финансирование обретает своеобразный аналог: а) государственное кредитование муниципального строительства, б) материальные и денежные средства застройщиков-ведомств, г) средства советской жилищной кооперации (т.е. вложение трудящимися части своего заработка). А в качестве органа, организующего жилищное строительство, также как в Германии – городские органы власти плюс промышленное ведомство в роли заказчика.



Рис. 4. Б. Таут. Застройка поселка Бритц, Берлин. Фото с натуры. (Фото Мееровича М.Г., 2006)

Заметим, что эта «модель» долевого финансирования с сосредоточением всех функций управления в руках государства (в лице местных органов власти) привлекает представителей советских ведомств-застройщиков, прежде всего, тем, что являет серьезный противовес концепции города-сада, основанной, исключительно, на частном финансировании (пусть и при поддержке банковского, в том числе и государственного, кредитов). Концепция города-сада отвергается советской градостроительной политикой, потому что ее результатом является «поселение, как продукт буржуазной жилищной кооперации» [3, С.71], где жилище становится предметом персонального владения и распоряжения людей, вложивших в него свои собственные деньги.

Советская модель «государственно-ведомственно-кооперативного» жилищного строительства отрицает западный город-сад как организационный и имущественный прототип, потому что исключает частную собственность на недвижимость и землю. Она позволяет населению через «рабочую жилищную кооперацию» вкладывать в жилищное строительство собственные средства, но, при этом, основывается на исключительном праве государства распоряжаться выстроенной недвижимостью. Финансирование советского градостроительства в начале-середине 1920-х гг. базируется, как отмечено выше, на объединении средств различных источников. Но затем распределение и освоение возведенного жилого фонда осуществляется централизованно, под полным контролем ведомств (наркоматов), которым высшее партийно-правительственное руководство страной делегирует права главного «субъекта» градостроительной активности. В Советском Союзе, также как и в Германии, подобная централизация финансирования и градостроительной политики призвана обеспечивать «рационализацию» строительства [1, С. 73].

Говардовский город-сад «не обязан» иметь собственной градообразующей базы и, несмотря на возможное наличие в нем некоторого числа объектов местной обслуживающей промышленности, оказывается лишенным промышленного ядра. И, как следствие, лишенным мест приложения труда для подавляющей массы населения – трудиться его обитатели должны в близлежащем индустриальном центре, с которым город-сад связывается системой транспорта. Потребность поселения в продуктах



Рис. 5. Б. Таут. Застройка поселка Бритц, Берлин. Фото с натуры. (Фото Мееровича М.Г. 2006)

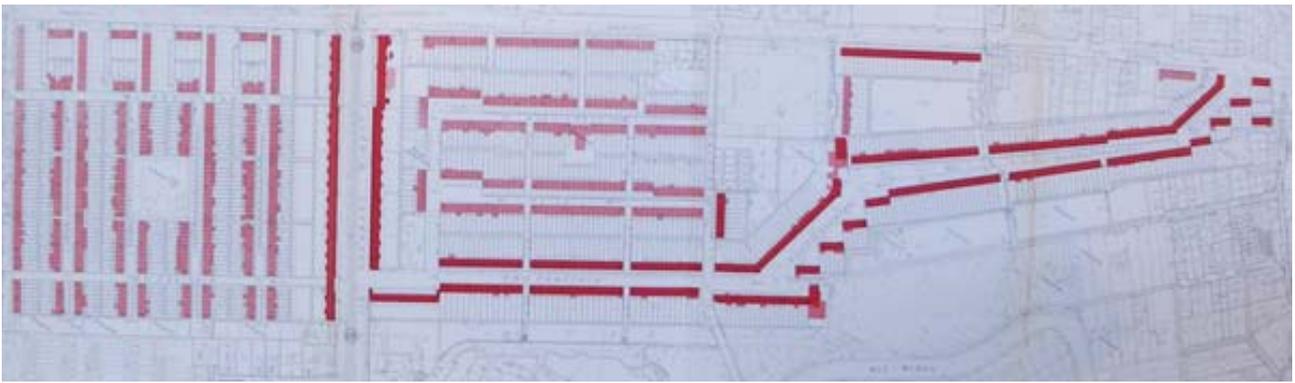


Рис. 6. Э. Май. Застройка поселка Праунхайм (Siedlung Praunheim). Франкфурт-на-Майне, Германия. 1926 – 1929. План. (Источник: Выставка Ernst May. 1886-1970. Deutsches Architekturmuseum, Frankfurt am Main. 2011)

питания обеспечивается располагающимися вблизи города-сада мясомолочными, овощными и прочими сельскохозяйственными фермами. А культурное, бытовое, благоустроительное и прочее обслуживание – за счет инициатив органов местного самоуправления и частного предпринимательства.

Советская идеология индустриального развития подобное положение трактует, как главный недостаток концепции города-сада. В противоположность городу-саду, советская организационно-управленческая и, как следствие, градостроительная модель рабочего поселка предполагает его возведение не как «пригорода без производства» – «поселения-спальни», а как «места приложения труда». Предназначение советского рабочего поселения и характер его эксплуатации должны быть всецело предопределены задачами функционирования промышленного предприятия – элемента общегосударственной системы производства – для обеспечения которого рабочей силой, собственно, и возводится любое новое поселение в СССР.



Рис. 7. Э. Май. Застройка поселка Праунхайм (Siedlung Praunheim). Франкфурт-на-Майне, Германия. 1929 – 1931. (Источник: Ernst May und das Neue Frankfurt. 1925 – 1930. Berlin, 1986. S. 116)



Рис. 8. Э. Май. Застройка поселка Праунхайм (Siedlung Praunheim). Франкфурт-на-Майне, Германия. 1929 – 1931. Фото с натуры. (Фото Мееровича М.Г., 2011)



Рис. 9. Э. Май. Застройка поселка Праунхайм (Siedlung Praunheim). Франкфурт-на-Майне, Германия. 1929 – 1931. Фото с натуры. (Фото Мееровича М.Г., 2011)

Социально-управленческая парадигма поселений-садов, проектируемых и возводимых в СССР в начале-середине 1920-х гг., в отличие от говардовского города-сада, требует обязательного наличия в нем промышленного ядра. То есть, каждая новая селитба должна возводиться не сама по себе, а исключительно как «жилье при производстве» – здесь должны обитать лишь те рабочие (и члены их семей), которые трудятся на данном промышленном предприятии. Поэтому проектирование рабочих поселков, осуществляемое советскими ведомствами в начале и середине 1920-х гг. при мануфактурах,



Рис. 10. Э. Май. Застройка поселка Праунхайм (Siedlung Praunheim). Франкфурт-на-Майне, Германия. 1929 – 1931. Фото с натуры. (Фото Мееровича М.Г. 2011)

паровозо-ремонтных заводах, электростанциях, возводившихся по плану ГОЭЛРО, торфоразработках, железнодорожных узлах и т.п. неразрывно связано именно с новым производственным строительством, расширением или реконструкцией градообразующего промышленного объекта, которому предписана роль – выступать в качестве единственного источника повседневного существования людей. Возведение «поселений-спутников», «пригородных рабочих поселков», «рабочих поселков-садов» вне существующих городов, подле строящихся здесь же промышленных предприятий, рассматривается советской расселенческой доктриной как стратегическое направление градостроительства.

Представителей советских ведомств-застройщиков привлекает в индустриальном строительстве Германии также и то, что квартиры вводятся в эксплуатацию с комплектованием стандартных наборов основных предметов мебели. В рамках требований производства мебели для удовлетворения нужд трудящихся, которые декларирует в этот период советская власть, подобный опыт не может не привлекать внимание.

Делегация отмечает те положительные отличия германской строительной отрасли от советского ведомственного строительного комплекса, которые следует превратить в материал для серьезного анализа и заимствования. Это, прежде всего, технологичность строительного производства. Изучаемые примеры массовой застройки для рабочих поразили советскую делегацию полным отказом от кирпичной кладки – дома не изготавливаются на стройплощадке, а собираются из готовых элементов. Так, крупные пемзобетонные плиты размером 3 x 1,1 x 0,2 м и весом 726 кг [1, С. 75], производятся не на стройплощадке, а совсем в другом месте – на заводе строительных деталей (рис.11). А на площадке из этих уже готовых элементов дома складываются, как карточный домик. Благодаря этому удается вчерне осуществлять монтаж 2-этажных домов с погребом (жилой площадью 65-70 кв.м.) за 17 дней с незначительным количеством рабочих [2, С. 103-104] или, наоборот, большим количеством рабочих (18 человек), но очень быстро – за 1,5 дня [1, С. 75]. Кроме того, пемзобетонные плиты позволяют осуществлять серьезную экономию материалов: а) дорогостоящей арматуры, в которой не нуждается сборный дом; б) кирпича, так как плита толщиной 20 см заменяет кирпичную стену толщиной 46 см, обеспечивая те же самые теплоизоляционные показатели, которых требуют германские нормы того времени.

Другой тип домов – сооружения из шлакобетонных пустотелых блоков размером 22,5 x 25 x 50 см,



Рис. 11. Монтаж домов из крупных пемзобетонных плит. (Источник: Современное строительство Германии. Первая заграничная экскурсия инженеров-строителей и архитекторов. М.: Гостехиздат, 1929. 224 с.)

т.е. «такого веса, чтобы один человек мог легко положить их в дело», также собираются в немыслимые сроки: два блокированных дома, вчерне, за 3 дня. Перекрытия этажа из дырчатых железобетонных балок монтируются за $\frac{3}{4}$ часа [2, С. 103-104].

На фоне советской строительной практики середины 1920-х гг., основанной на ручной кирпичной кладке и лишенной даже намека на индустриальные методы возведения зданий [4, С. 39], подобная технология являет очевидные преимущества. А ее внедрение обещает дать серьезный выигрыш в трудозатратах, материалоемкости, скорости и, в конечном счете, сулит значительную эффективность массового строительства.

В этот период советские ведомства-застройщики исходят из представления о том, что основным типом застройки в поселениях-новостройках подле промышленных, энергетических, транспортных предприятий должно являться индивидуальное жилище. Будущее советских городов и рабочих поселков, перспективы рабочего жилищного строительства в СССР видятся им вполне традиционным образом (как в Германии) – в виде индивидуального жилища. Но не «буржуазных коттеджей», а многоэтажного, многоквартирного городского жилища с индивидуальными квартирами на одну семью [2, С. 111]. Поэтому внимание делегации особенно привлекает тот факт, что при общем поселковом характере планировки германских пригородных поселков в их застройке используются дома городского типа.

Делегация обращает внимание на то, что жилище снабжается горячей водой, отоплением и канализацией централизованно, а не от локальных котельных и мелких очистных сооружений. Особо подчеркивался факт максимально полного использования всех помещений здания, в частности, подвалов и чердаков. Так, подвалы используются для хозяйственных нужд и поэтому имеют естественное освещение за счет поднятия пола первого этажа на 0,9 - 1,1 м от уровня тротуара, с входом в подвал с общей лестничной клетки, что позволяет избежать, привычного в России отдельного наружного входа, «загромождающего двор навесами и ограждениями, неудобного для жильцов и требующего на свое осуществление излишних средств». А чердаки, образуемые стенами, специально приподнятыми выше верхнего перекрытия, используются для устройства помещений общих прачечных (одна прачечная –

на две лестницы для 12 квартир), а также для размещения дополнительных хозяйственных помещений общего пользования [2, С.73,78].

Индустриализация строительства положительно отличает германскую проектную и строительную практику массового рабочего жилища от традиционной на тот период в России практики штучного проектирования и «ремесленного» строительства. В преддверии первых пятилеток именно она выступает предметом пристального внимания со стороны руководства советского строительного комплекса.

И именно в связи с ней Эрнст Май привлекает пристальное внимание советского руководства. Эрнст Май стал знаменит, прежде всего, как архитектор, спроектировавший поселки Praunheim, Westhausen, Lindenbaum, Rirdhof-West и другие, застроенные комфортным, доступным для рабочих типовым жилищем, создававшимся в рамках программы по ликвидации жилищного кризиса и оздоровлению условий жизни в немецких промышленных городах.

Новизна подхода, реализованного Э. Маем, состоит в следующем: 1) изготовление домов осуществлялось не «ремесленным», а «фабричным» способом, то есть элементы, предназначенные для монтажа (включая перекрытия, крыши, стены и т.д.), изготавливаются в стационарных мастерских, а не на месте постройки, по определенным сериям и сортаментам (заметим, что в Германии и Америке в это время даже частичное применение стандартных частей зданий, изготовленных заводским способом, сразу давало экономию до 30%) [2, С. 100]; 2) в техническом отношении сборное домостроение позволяет многократно ускорять возведение зданий, причем разбивка наружной стены на несколько типов панелей (подоконных, опорных, межоконных), позволяет снизить вес конструкций и обходиться более легкими и более дешевыми переносными или самоходными кранами; 3) строительное производство на месте работы может быть организовано в несколько смен (и даже круглогодично), что позволяет максимально полно использовать дневное время и весь строительный период; оно осуществляется по четкому календарному графику с полным исключением простоев, подобно промышленному конвейерному производству; 4) подобная технология позволяет избавиться от привычных в России «приобъектных складов», не нужных в условиях подвоза материалов небольшими партиями по мере надобности, а также освободиться от



Рис. 12. Монтаж домов из крупных пемзобетонных плит. Кадры рекламного фильма. Э. Май, П. Вольф. (Источник: Выставка Ernst May. 1886-1970. Deutsches Architekturmuseum, Frankfurt am Main. 2011)

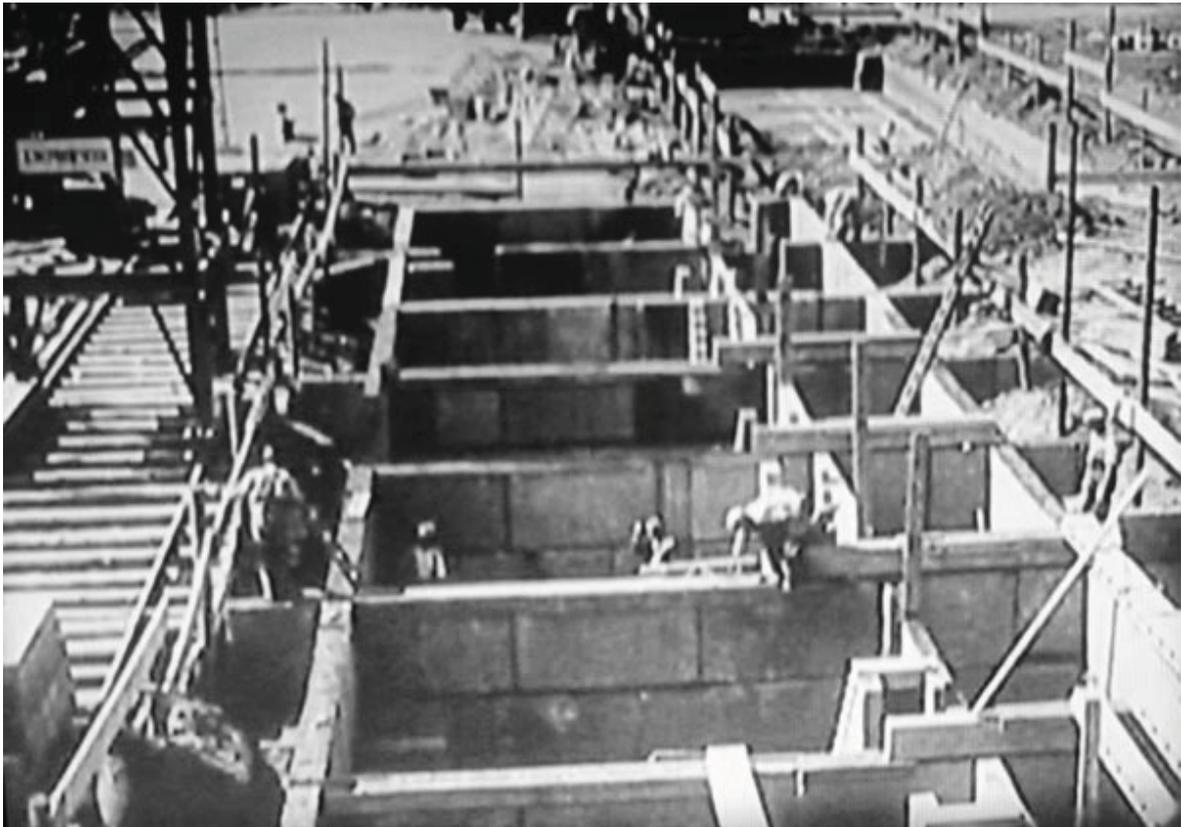


Рис. 13. Монтаж домов из крупных пемзобетонных плит. Кадры рекламного фильма. Э. Май, П. Вольф. (Источник: Выставка Ernst May. 1886-1970. Deutsches Architekturmuseum, Frankfurt am Main. 2011)



Рис. 14. Монтаж домов из крупных пемзобетонных плит. Кадры рекламного фильма. Э. Май, П. Вольф. (Источник: Выставка Ernst May. 1886-1970. Deutsches Architekturmuseum, Frankfurt am Main. 2011)



Рис. 15. Макет дома из крупных пемзобетонных плит. (Источник: Выставка Ernst May. 1886-1970. Deutsches Architekturmuseum, Frankfurt am Main. 2011)

услуг кладовщиков, счетоводов, конторщиков, сторожей и исключить выписку требований, разрешений, расписок и проч.; 5) проектно-строительная документация разрабатывается на основе планировочных стандартов с обязательным использованием всего ассортимента заранее разработанных элементов; кроме обычных чертежей (планы, фасады, разрезы, узлы, детали), изготавливаются специальные сборочные чертежи, подобно монтажным чертежам по сборке автомобилей [2, С. 98]; 6) финансовая и организационная политика направлена на снижение строительных затрат прежде всего, за счет ликвидации непроизводительных промежуточных операций и лишних технологических этапов, а также в результате привлечения фирм, специализирующихся на отдельных видах работ и обладающих специальными машинами, приспособлениями, инструментами и высоко-квалифицированными кадрами [2, С. 97,98].

Безусловно, эти принципы и формы индустриальной организации проектной и строительной деятельности не являлись персональным изобретением Э. Мая. Он лишь свел известные на тот момент инновации в рамки единого проектно-строительного процесса, собрал и объединил в форму единой технологии согласованных проектных, производственных, а затем монтажных работ. Которую запатентовал. И успешно разрекламировал. Так, в 1927 г.¹ Э. Май с помощью режиссера Пауля Вольфа снял два немых черно-белых документальных фильма: «Новое строительство во Франкфурте-на-Майне» продолжительностью 10,4 мин. и «Франкфуртское минимальное жилище» продолжительностью 5,2 мин. В первом фильме был подробно показан весь процесс предварительного изготовления стандартизированных деталей и последующего монтажа из них жилых домов: отливка панелей в крытом цеху, складирование, доставка на стройку, монтаж стеновых панелей и перекрытий, заделка швов и т.п. (рис.12,13,14,15). Во втором – интерьер одной из так называемых «минимальных квартир», кухонное оборудование и мебель, специально спроектированные и изготовленные для серии подобных домостроений (рис.16,17,18).

Скорее всего, советская делегация была ознакомлена с этими фильмами. Возможно, в первую очередь для нее они и создавались. Фильмы наглядно демонстрировали преимущества технологии сборного



Рис. 16. Оборудование и мебель, специально спроектированные для «минимальных» квартир. (Источник: Выставка Ernst May. 1886-1970. Deutsches Architekturmuseum, Frankfurt am Main. 2011. Фото Мееровича М.Г.)

индустриального гражданского домостроения и иллюстрировали качество жизни в дешевых, минимизированных, но при этом весьма комфортабельных домах, спроектированных Э. Маем и возведенных в спланированных им франкфуртских поселках.

Э. Май вообще был прекрасным организатором. Он подбирал сотрудников, которые не только были способны высококачественно воплощать его идеи, но и самостоятельно творчески развивать их. Он четко знал, какой социально значимый результат хочет получить. И он умел так эффектно преподнести общественности продукт своего труда, что ни у кого не оставалось сомнений в его исключительности. Тем более, что этому были неоспоримые доказательства.

Помимо технологии индустриального домостроения, Э. Май разработал и успешно применял стандартные схемы планировки локальных поселений, в максимальной степени способствующих реализации принципов ускоренного, поточного, фактически, «конвейерного» строительства. Так, например, им был применен принцип застройки с расположением



Рис. 17. Кухонное оборудование и мебель, специально спроектированные для «минимальных» квартир. (Источник: Поселок Праунхайм (Siedlung Praunheim). Франкфурт-на-Майне, Германия. Дом-музей Э. Мая. 2011. Фото Мееровича М.Г.)



однотипных домов перпендикулярно улицам, с трассировкой пешеходных путей, ведущих вглубь жилой застройки, вдоль фасадов домов (рис.19) [5, С. 166-178]. Такая планировка обеспечивала наилучшие условия инсоляции, потому что дома располагались меридионально, и солнце равномерно освещало обе их стороны, на которые выходили квартиры. Этот тип застройки, впоследствии названный «строчным», позволял ускорять, удешевлять и упрощать возведение однотипных домов, линейным перемещением монтажных кранов и упрощенным устройством подъездных путей. Другой тип домов, которые располагались широтно, проектировался как галерейный с ориентацией жилых комнат квартир на освещаемую сторону.

В условиях Германии подобный способ индустриального домостроения обеспечивал, во-первых, резкое снижение стоимости одного квадратного метра жилья и, как следствие, доступность для малоимущих; во-вторых, равноценность условий обитания, т.е. «предоставление каждой жилой ячейке равно удовлетворительных условий в смысле освещения,

вентиляции, близости зеленых насаждений и средств передвижения»; в-третьих, технологичность строительства, позволявшую сокращать сроки возведения и каждого дома в отдельности, и поселков в целом; в четвертых, максимально эффективное использование малоквалифицированной рабочей силы. Например, Э. Май при изготовлении пемзобетонных плит широко применял труд безработных, обходясь без дорогостоящих механизмов при выполнении целого ряда операций, в частности, при уплотнении и трамбовке пемзобетона при заливке сборных стеновых панелей т.п.

Новая форма организации строительных процессов давала еще и значительный эффект экономии средств, материалов, трудозатрат и даже зарплаты, так как повторяемость строительных операций позволяла легко контролировать объемы произведенных работ и их качество, что, в свою очередь, делало возможным заменить сложную систему сдельных расценок (и, соответственно, необходимость постоянных замеров выполненных работ) простой, повременной, оплатой труда. Это было крайне важно для советских руководителей. Правда, делегация отметила, что подобное во многом становилось возможным благодаря «трудовой дисциплине и высокой квалификации германского строительного рабочего, отсутствию текучки кадров, а также при хорошем контроле со стороны десятников» [2,С.201].

Основной вывод, который сделала советская делегация, ознакомившись с германской строительной практикой, состоял в том, что все вышеизложенное могло бы получить значительно более сильный импульс в развитии, если бы основывалось на возможностях крупной государственной строительной промышленности. Скорее всего, именно это понимание и легло в основу постановки задачи переноса в СССР передового немецкого опыта ускоренного, стандартизированного, дешевого и качественного строительства массового жилья для рабочих, т.е. «индустриального домостроения», как назвали бы его сегодня. Эта задача была сформулирована в результате поездки-экскурсии вполне четко и конкретно. И, как мы увидим, в дальнейшем также четко и последовательно была реализована.

Задачи, которые в этот период стояли перед советскими промышленными ведомствами, готовящимися к развертыванию строительных программ по возведению заводов-гигантов и поселений при них, совпадали с взглядами и проектной идеологией Э. Мая. Технологии ускоренного проектирования дешевого стандартизированного жилища для его быстрого массового строительства были жизненно необходимы ведомствам-застройщикам для размещения контингентов строителей-первопроходцев первой пятилетки. Не только интересы руководства советских строительных ведомств совпадали в этот период с осуществляемой в Германии индустриализацией строительного производства. Профессиональные взгляды, а также творческие убеждения Э. Мая полностью соответствовали декларативным заявлениям советской власти, которым он,



Рис. 19. Э. Май и др. Застройка поселка Вестхаузен (Siedlung Westhausen). Франкфурт-на-Майне, Германия. 1929 – 1931. (Источник: Ernst May und das Neue Frankfurt. 1925 – 1930. Berlin, 1986. S. 116)

как и многие другие зарубежные архитекторы, скорее всего, вполне искренне верил.

Убежденность Э. Мая в социально-реформаторской миссии архитектуры, которая призвана разрабатывать экономичные, недорогие, оптимальные по планировке, комфортные проекты домов и целые поселения, массово удовлетворяющие потребности людей в здоровом жилье; совпадала с пропагандистскими декларациями советской власти об обеспечении социального равенства (равных условий жизни для всех), в том числе и в отношении жилища, предоставляемого советским государством рабочим и служащим. Идея «соседства» – как основной единицы при проектировании поселения с общественными пространствами, находящимися в коллективном пользовании, с общими бытовыми учреждениями и проч., которую он провозглашал, соответствовала заявлениям советской власти о «домах-коммунах», как особой форме межличностных отношений нового типа, общественного обслуживания бытовых и культурных нужд людей. Мечты Э. Мая о будущем градостроительства, основанном на разукрупнении существующих городов за счет возведения вне их черты обособленных поселений (автономных жилых районов или городов-спутников), согласовывались с советской политикой возведения на пустом месте новых городов, одновременно построенных по целостному замыслу и свободных от всех негативных проявлений прошлого.

Однако все вышесказанное, тем не менее, не объясняет, почему для работы по планировке новых советских городов был приглашен именно Эрнст Май, а не любой другой западный архитектор со сходными взглядами и аналогичным опытом работы. Также остается открытым вопрос о том, в каких структурах советского административно-управленческого аппарата принималось решение о привлечении в СССР Э. Мая и кто из «выездных» советских архитекторов, возможно, участвовавших в выставке или конгрессе во Франкфурте, мог повлиять на принятие подобного решения? [6, С.147]

Очевидным является лишь тот факт, что решение о приглашении Э. Мая и набранной им группы в СССР принималось на самом высоком правительственном уровне. Об этом свидетельствуют телеграммы, периодически отправляемые из Москвы в органы партийного и советского руководства на местах для обеспечения встречи Э. Мая и создания ему благоприятных условий для работы. А также предоставляемые ему необычно комфортные по тем временам условия проезда по железной дороге – в отдельных вагонах международного класса. Пример – телеграмма, отправленная 1 февраля 1931 г. из Москвы в Сибкрайисполком

о выезде в Западную Сибирь Э. Мая «отдельным международным вагоном № 9393» [6, С. 147-152].

Кто из советских руководителей, кроме членов официальной делегации строительных ведомств, посетил в 1927 г. Штуттгартскую выставку «Жилище» или в 1929 г. конгресс во Франкфурте? Кто из них проявил интерес к работам Э. Мая и стал инициатором приглашения его для работы в СССР? В каком году состоялось знакомство Э. Мая с представителями советской строительной индустрии – в 1927 г. или 1929 г.? А, может быть, еще раньше – в конце 1924 г., когда Германию (и Англию) посещала делегация Московского Совета Рабочих, Крестьянских и Красноармейских депутатов?² Может быть, контакту Э. Мая с советским руководством поспособствовал кто-то из архитекторов, посещавших Германию в 1927-1929 гг.: Эль Лисицкий [7], Богданов Н. [8], Вольфензон Г.[9], Углов В.[10], Аранович Д.[11], Бабуров В.[12], Маца И. и др.? Возможно, какую-то роль сыграл Г.Б.Красин, который в 1929 г. был командирован в Австрию, Венгрию, Чехословакию, Италию, Германию с целью изучения планировки и архитектуры городов [13, С.89].

Скорее всего, встреча, которая привела к приглашению Э. Мая в СССР, состоялась все-таки в 1929 г. Так, «Строительный бюллетень отдела коммерческой информации Телеграфного агентства СССР» свидетельствует, что контакт Э. Мая с кем-то из представителей советского руководства произошел осенью 1929 г. во Франкфурте, где «... был созван международный конгресс». Вероятно, речь идет о конгрессе СИАМ, в котором приняли участие представители 18 стран. В связи с этим конгрессом арх. Май провел большую работу по организации выставки «Wohnung fur Existenz-Minimum», «обратившей на себя серьезное внимание специалистов» [14, С.14]. Именно это, как указано в бюллетене, и послужило поводом приглашения Эрнста Мая в СССР. Официальное оно было оформлено через советско-германское общество «Культура и Техника».

Приглашение Э. Мая происходит в полном соответствии с той политикой, которая проводится руководством Страны Советов по привлечению зарубежных технологий и иностранных специалистов в СССР. Начиная с середины 1920-х гг., целый ряд постановлений правительства СССР: постановление СНК СССР от 2 августа 1925 г. «О мерах пополнения советской промышленности высококвалифицированными специалистами»; постановление СНК СССР от 15 февраля 1927 г. «О привлечении специалистов из заграницы» [15, С. 222-225]; постановление Политбюро ЦК ВКП (б) от 2 августа 1928 г. и др. создают законодательные условия для привлечения иностранных специалистов. В результате, на начало февраля 1928 г. в СССР действуют 61 иностранная концессия общесоюзного значения и 53 – республиканского [15, С. 232-233]. В каждой из них работают иностранные специалисты. В течение двух последующих лет (1929-1930 гг.) планируется привлечь дополнительно еще от 1000 до 3000 иностранных специалистов [15, С. 233-234].

Достоверно известно, что Э. Май приехал в СССР для «чтения лекций, бесед и дачи консультаций» 2 мая 1930 г. Об этом свидетельствует заметка в газете «Вечерняя Москва» от 3 мая 1930 г., где сказано: «Вчера в Москву приехал известный германский архитектор проф. Май, являющийся одним из важнейших представителей группы франкфурских архитекторов, работающих по городскому и поселковому строительству. Проф. Май работает сейчас над проблемой новых архитектурных форм и рационализации жилища. Секция искусствоведов ВОКСа организует завтра в 8 час. веч. в помещении Дома ученых доклад проф. Мая на тему: «Новая техника – новые формы» [16, С. 3].

В ходе этого визита Э. Май посещает три города: Москву, Ленинград и Харьков, где встречается с архитектурной общественностью и руководством строительных ведомств (например, Индустрия), имеет с кем-то беседу в таком могущественном органе как ЦКК-НК РКИ, ведет переговоры с кем-то в руководстве ВСНХ. Детали этих переговоров и имена людей, с которыми встречался Э. Май, пока неизвестны.

Следует специально подчеркнуть, что ЦКК-НК РКИ (Центральная Контрольная Комиссия ВКП (б) – Народный Комиссариат Рабоче-Крестьянской Инспекции СССР) – это высший двуединый орган партийного и одновременно государственного контроля, осуществлявший «чистки» партийного и государственного аппаратов. Помимо множества функций, ЦКК-НК РКИ разрабатывал проблемы стандартизации и рационализации производства и управления. Председателем ЦКК ВКП (б) и одновременно народным комиссаром НК РКИ СССР в период 1926 – 1930 гг. был Г. К. Орджоникидзе. В 1930 г. он назначается председателем ВСНХ. Возможно, интерес к персоне Э. Мая возник именно в недрах ЦКК-НК РКИ в связи с той гигантской задачей рационализации всей строительной отрасли и перевода ее на рельсы индустриализации, которая стояла в это время перед государством.

В Москве Э. Май выступал с докладами несколько раз: 3 мая – «О планировке городов и жилищном строительстве Германии», 6 мая – «О новом жилищном строительстве во Франкфурте-на-Майне» и 7 мая –

«О рационализации жилищного строительства» (лекции проходили в аудитории Анатомического института 1-го МГУ), 11 мая им был сделан доклад об организации строительства новых городов Германии. Доклады вызвали значительный интерес: на первом присутствовало 208 чел., на втором – 400, на третьем – 508 человек [17, Л.15].

Кроме того, Э. Май провел две консультации: 6 мая – в помещении клуба ВСНХ СССР, 8 мая – в проектно-планировочном отделении Московского коммунального хозяйства (МКХ), 11 мая Э. Май сделал доклад в Деловом клубе³ и, как указано в докладной записке ученого секретаря советско-германского общества «Культура и Техника» тов. Маневича-Алмазова, адресованной начальнику производственно-технического управления Союзстроя тов. Ильину: «... участвовал в работе НК РКИ по согласованию вопросов планирования жилищного строительства страны» [17, Л. 14].

Точные даты пребывания Э. Мая в г. Ленинграде неизвестны. Имеются сведения лишь о теме прочитанного им доклада «Рационализация жилищного строительства» и о том, что он провел консультации в ряде строительных предприятий г. Ленинграда [17, Л. 6-об].

13 мая Э. Май приехал в Харьков и сделал доклад, на котором присутствовало 165 чел., а 14 мая в помещении НКВД провел консультацию по планировке «двух крупнейших социалистических городов: Большого Запорожья и Днепростроя, а также рабочего городка на Тракторострое» [17, Л. 6-об]. И в тот же день провел консультацию в помещении НТУ ВСНХ УССР, на которой «присутствовало 35 чел. – специалистов-инженеров и архитекторов». После чего вернулся в Москву [17, Л. 3].

Скорее всего, по возвращении в Москву он прочитал еще один доклад. Так, газета «Вечерняя Москва» от 14 мая 1930 г. свидетельствует: «Последний доклад германского архитектора Майя (так написано – М.М.), прочитанный им по предложению комиссии по быту ЦКК-НК РКИ в клубе им. Дзержинского, касался главным образом строительства новых городов» [18]. Здесь явная нестыковка в датах – Э. Май не мог в один и тот же день консультировать в Харькове и выступать с докладом в Москве.

В изложении своих впечатлений об СССР, Э. Май оказывается достаточно откровенен – в своих выступлениях он указывает на «казарменный тип наших построек, отвергаемый даже в Европе, в тех новых городах, которые она строит [18], критикует сезонный характер осуществления капитального строительства, призывает организовывать круглогодичные процессы, занимая рабочих в зимний период массовым изготовлением типизированных частей зданий [18] и т.п. Он говорит о «хаосе» строительства в Москве и Ленинграде, о его «пестроты»; о господствующих в строительстве «противоречивых тенденциях», об отсутствии «той типизации, которая должна быть основной чертой любого массового строительства» [18].

В своих докладах Э. Май осуждает такую черту «массового городского строительства капиталистической Европы» как «преобладание архитектурных мотивов над соображениями жилищных удобств» [19, С. 3]. Он указывает на то, что в массовой застройке рабочих жилищ обеспечивать гигиенические параметры, достаточные площади озеленения, оптимум квадратных метров жилья на одного человека, проветривание дворов и инсоляцию и т.п. гораздо важнее, чем рисовать красивые фасады. Примечательно, что пресса, давая информацию о выступлениях Э. Мая, с пониманием и полным одобрением воспроизводит эти слова. Но именно эти тезисы через несколько лет проектной работы Э. Мая в СССР будут поставлены ему в вину. Буквально через год-полтора советские эксперты на страницах профессиональной печати станут упрекать Э. Мая за отсутствие «ансамблевости» в планировке, за слишком «упрощенную», чересчур «функциональную» архитектуру. Планировочные решения Э. Мая будут критиковаться за «унылость строчной застройки», наносящей ущерб «художественному оформлению города». От Э. Мая будут требовать создания именно того, что он обозначал как негативный фактор капиталистического градостроительства – «архитектурных мотивов».

Обличая в своих докладах западную архитектуру, Э. Май говорит о том, что в ней, в «погоне за стилем», забвению предаются «функциональные особенности зданий» [19, С.3]. Через два месяца после возвращения из СССР (в августе-сентябре 1930 г.) Э. Май публикует статью под названием «Планировка городов и новое жилищное строительство в Германии». Эта статья, размещенная в официальном печатном органе советско-германского общества «Культура и Техника» – «Русско-германском вестнике науки и техники», скорее всего, является своеобразной квинтэссенцией содержания его докладов в СССР. В статье подробно описывается социальное и финансовое содержание франкфуртской программы массового строительства жилья для рабочих, планировочные особенности разработанных в ее составе типовых проектов, строительнотехнологическая специфика конвейерного заводского изготовления и поточного монтажа домостроений. Э. Май еще раз подчеркивает, что внешнее оформление франкфуртских домостроений основано на том, что пластика фасадов «... сознательно отказывается от декоративных жестов и ненужных украшений» [1, С.

76]. Несмотря на внешнюю простоту, франкфуртские комплексы признаются немецкими специалистами «образцовыми», потому что «не являются результатом ... идеологии, прихоти, моды или художественной идеи». А станвятся, прежде всего, «результатом внутренней функции, социального наполнения жилища» [1, С. 76].

Впоследствии Э. Май будет неоднократно и резко осужден на страницах советской печати как раз за отказ от «декоративных жестов», за нежелание «следовать стилю», за непринятие внедряемой свыше художественно-образной кальки форм классической архитектуры, за принципиальное нежелание проектировать периметральную застройку кварталов, за отказ создавать «архитектурные ансамбли» и т.п.

Забегая вперед, приведем лишь два примера подобных претензий. В статье под названием «Архитектура улицы и площади», опубликованной в журнале «Планировка и строительство городов» во второй половине 1933 г. (т.е. еще до отъезда Э. Мая из СССР), пишется: «Осуществляемые в настоящее время в натуре проекты наших крупнейших городов Магнитогорска, Сталинска, Нижнего Тагила и др. ясно говорят, что они проектировались методом раздельного проектирования планировки и архитектуры. Основным мерилем проекта берется лишь выполнение основных заданий на данный проект города в части, касающейся взаимного расположения территорий, размещения требуемого количества жителей, обеспечения транспортной связи и культбытового обслуживания. Вопросу же, как будет выглядеть проектируемый город в натуре и можно ли будет на базе такой планировки создать интересные архитектурные ансамбли, при оценке проекта планировки уделяется недостаточное внимание. Наши новые города безличны, они все похожи друг на друга, в них трудно ориентироваться, они скучны» [20, С.22-23].

В другой статье «Архитектура соцгорода и его элементов», опубликованной в том же журнале через год – во второй половине 1934 г. (т.е. уже после отъезда Э. Мая из СССР), собран весь «букет» критических замечаний к проектам Э. Мая, которые через некоторое время станут хрестоматийными и постоянно повторяемыми в учебной и научной литературе: «При проектировании проводился принцип функционализма ... В этих проектах вопросы архитектуры города отодвигались на задний план, а в большинстве случаев просто игнорировались ... Если детально ознакомиться с этими работами, то в них проводится одна и та же идея плана: город решается стандартно ... Правильно задуманная организация города с решением максимального приближения к живущим культурно-бытового обслуживания ... имеет весьма неприятное планировочное отличие в виде штампованных стандартных элементов, повторяющихся бесконечное число раз в зависимости от величины города ... Решение улиц, бульваров, магистралей понималось примитивно: улица есть средство сообщения ... поэтому решать ее архитектурно не следует ... Жилые дома ставились торцами на улицы (строчная застройка) и придавали ей однотонный унылый вид ... В целом город штамповался типовыми кварталами строчной застройки и производил как на бумаге (в проекте), так и в натуре (выстроенные кварталы) удручающее впечатление» [21, С. 13].

Но эта критика польется в адрес Э. Мая значительно позже, а пока, в мае 1930 г., в своих выступлениях в Москве, Ленинграде и Харькове он выражает «уверенность, что, приехав в СССР, он сможет быть полезен стране, которая, как он убедился, целиком поглощена большим строительством». Вероятно, именно в мае 1930 г., во время своего лекционно-консультационного визита в СССР, Э. Май получает официальное приглашение приехать для долговременной проектной работы. Ему обещают руководящую должность в специально создаваемом под него Проектно-планировочном бюро Цekomбанка по строительству новых городов и поселков. С этого времени начинается подготовка и согласование текста договора, который подписывается через два месяца после возвращения Э. Мая из СССР – 15 июля 1930 г. «... председатель Цekomбанка Э. В. Лугановский, находясь в Германии, ... заключил договор с ним и группой отобранных им сотрудников» [22, С. 151-152].

Инициатива Э. В. Лугановского по приглашению для работы в СССР крупного иностранного архитектора и, более того, группы иностранных специалистов, находится в полном соответствии с установками программы индустриализации. План первой пятилетки официально провозглашает ориентацию на иностранную проектную помощь: «Привлечение к проектированию и экспертизе иностранных специалистов вполне рационально, в целях усиления наших недостаточных сил. В отношении проектирования оно может быть выражено в двоякой форме: 1) привлечение отдельных лиц в состав проектирующих органов для работы постоянной или по отдельному заданию, 2) привлечение заграничных проектных бюро для проектирования всего сооружения или его части, по нашим заданиям и при обязательном участии наших инженеров. Участие иностранных специалистов в экспертизе целесообразно лишь при постоянном или временном включении их в проектирующие организации СССР» [23, С.446]. Договор с Э. Маем о «приглашении на службу для постоянной работы в Москве» будет составлен в полном соответствии с этими правительственными указаниями⁴.

Можно предположить, что одним из дополнительных мотивов приглашения Э. Мая Лугановским была срочная и очень непростая работа по изданию общесоюзных альбомов, рекомендуемых для строительства типовых проектов жилых и общественных зданий. Эту работу вела Временная Правительственная комиссия, созданная постановлением СНК СССР от 26/XII 1929 г. «О мерах по оздоровлению строительства». В.Э. Лугановский, являлся председателем этой комиссии и лично отвечал за результаты ее деятельности. С самого начала работа комиссии шла не слишком гладко. После первого заседания комиссии 15 января 1930 г. в Цekomбанк стали стекаться проекты, изготовленные в различных учреждениях, организациях, ведомствах. Их быстро накопилось свыше 1000 штук, что поставило членов комиссии в сложное положение. Просто взять и выбрать оптимальные проекты оказалось невозможным, так как в каждом из них были свои достоинства и свои недостатки, и даже лучшие из них «без внесения в них коренных изменений не могли быть выпущены в качестве рекомендуемых и типовых проектов» [24, С. 4]. Первый этап работы комиссии завершился в мае 1930 г. изданием альбома проектов, рекомендуемых для строительства в 1930 г.

Однако эта работа тут же оказалась обесмыслена выходом в свет «Единых норм строительного проектирования», изданных Комитетом по стандартизации при СТО и обязательных к применению с 31/III-1930 г., потому что оказалось – многие проекты этим нормам не соответствуют. Кроме того, постановление ЦК ВКП (б) от 16/V-1930 г. «О перестройке быта», зафиксировавшее позицию партии в вопросах обобществления быта, заставило отклонить проекты домов-коммун с полностью обобществленным бытом. Также комиссия вынуждена была отказаться от проектов многоэтажных сооружений в 5-7 этажей из-за стремления удешевить строительство, исключив те виды зданий, которые требовали «дорогостоящего оборудования» (лифтов).

Не исключено, что В.Э. Лугановский, намечая положения договора с Э. Маем, предполагал привлечь его – опытного специалиста по типизации и унификации элементов строительных конструкций и частей зданий, к доработке или переработке этих проектов. Скорее всего, именно поэтому в тексте договора с Э. Маем о приглашении его «на службу для постоянной работы в Москве» появились требования «рассмотрения и оценки ... проектов, исполненных другими организациями и учреждениями и внесение в них соответствующих исправлений ... разработки типовых проектов жилых домов и других гражданских сооружений ...»⁵.

И действительно, сразу же по приезду Э. Мая и его группы в СССР ему были переданы на рассмотрение все проекты, подготовленные Временной Правительственной комиссией. Но группа Э. Мая «...каких-либо существенных замечаний со своей стороны в проекты не внесла» [24, С. 6]. Может быть, потому, что сразу оказалась загруженной значительно более важными и масштабными планировочными работами по соцгородам-новостройкам.

Договор с Э. Маем был заключен 15 июля 1930 г. Он гарантировал Э. Маю должность «главного инженера Проектно-планировочного бюро по строительству городов и поселков в Союзе С.С.Р...» в течение пяти лет. Он составлен на двух языках (русском и немецком). Следует отметить, что через полтора года первый договор будет расторгнут и вместо него 5 февраля 1932 г. появится другой договор⁶, условия которого будут резко отличаться от первоначальных.

Согласно договору от 15 июля 1930 г., «Гр. Май, принимая должность Главного инженера Бюро, участвует в организации Бюро путем приглашения на службу, с согласия и разрешения Правления Банка, необходимого для работы Бюро инженерно-технического персонала, в том числе иностранных специалистов, обладающих соответствующей квалификацией в области планировки городов и поселков, строительства жилых домов, школьных и больничных строений, гостиниц, клубов, театров, строений для размещения учреждений и торговых предприятий и прочих видов гражданского строительства, а также сооружений по санитарному оборудованию и благоустройству городов и поселков»⁶.

Э. Май и набранная им по конкурсу международная группа специалистов прибывают в Москву 10 октября 1930 г. Во всяком случае, именно эту дату называет Э.В. Лугановский в отчете о деятельности Временной правительственной комиссии СНК СССР по отбору и изданию типовых проектов гражданского строительства [24, С.6]. Эта дата повторяется потом, практически, всеми российскими исследователями, занимавшимися изучением творчества Э. Мая и прибывших с ним немецких архитекторов. Но со ссылкой на другой источник – на журнал «Строительство Москвы». Но так ли это? Верна ли эта дата? Во-первых, в журнале «Строительство Москвы», в заметке, сообщающей о «прибытии в Москву группы германских инженеров-архитекторов во главе с архитектором Маем» [25, С.40], не указано вообще никакой даты. Во-вторых, в характеристике Э. Мая, которую 25 декабря 1933 г. подписали член Коллегии НКТП Шмидт и Управляющий трестом Горстройпроект Гаспарян, указано: «... архитектор Эрнст Май прибыл по

приглашению Цеккомбанка в СССР для принятия участия в градостроительстве Союза <...> 7 октября 1930 года». Характеристика, которая писалась либо на основе имевшихся документов, либо со слов самого Э. Мая, наверное, более точно отображает реальные даты, чем сведения прессы? С другой стороны, кому, как не Лугановскому, пригласившему Э. Мая на работу в СССР, не знать точной даты его приезда. Во всяком случае, это тот нюанс, который требует своего уточнения.

Группа специалистов, собранных Э. Маем, «... состояла из немецких, швейцарских, голландских и австрийских архитекторов и инженеров. Э. Май подбирал ее состав с расчетом на то, что специалисты должны решать весь комплекс вопросов, связанных с разработкой планировки новых городов и созданием проектов новых типов зданий, необходимых для их застройки. В группу, наряду со специалистами широкого профиля (М. Стам), входили специалисты по планировке (В. Швагеншайдт, Вайс), транспорту (К. Леман), жилищу (Г. Шмидт), общественным зданиям (В. Шульц), больницам (В. Хебебрандт, К. Либкнехт), школам (В. Шютте), детским учреждениям (Г. Шютте-Лихоцкая) и др. [26, С. 260]. То есть в полном соответствии с задачами, зафиксированными в заключенном с Маем Договоре.

И вновь вопрос: сколько иностранных специалистов приехало в СССР вместе с Э. Маем? Так, по свидетельству журнала «Строительство Москвы» [25, С.40] и газеты «За индустриализацию» за 1930 г., вместе с Э. Маем прибыло 23 человека. Но по данным «Строительного бюллетеня отдела коммерческой информации Телеграфного агентства СССР», Э. Май прибыл в СССР с группой, в которую входило 15 архитекторов и 2 инженера – 17 человек [14, С.14]. Германский исследователь Томас Флирль приводит поименный список сотрудников «группы Мая»: Ганс Буркхард (Hans Burkhardt, Dipl.-Ing.); Макс Фрюхауф (Max Fruhauf, Bauingenieur); Вернер Хебебрандт (Werner Hebebrand, Reg.-Baun.a.D.); С. Кольпеницкий (Kolpenitzky, Architekt); Вальтер Кратц (Walter Kratz, Architekt); Ганс Лейстиков (Hans Leistikov, Graphiker); Карл Леман (Karl Leman, Reg.-Baun.a.D.); Альберт Лехер (Albert Locher, Architekt); Эрих Маутнер (Erich Mauthner, Dipl.-Ing. Architekt); Ганс Шмидт (Hans Schmidt, Dipl.-Ing.); Вильгельм Шютте (Wihelm Schuette); Маргарет Шитте-Лихоцкая (Gfete Schuette-Lihotzky, Architektin); Вальтер Шульц (Walter Schultz, Reg.-Baun.a.D.); Вальтер Швагеншайдт (Walter Schwagenscheidt, Architekt); Март Стам (Mart Stam, Architekt); Ульрих Вольф (Ulrich Wolf, Gartenarchitekt); Альберт Винтер. Но при этом, Томас Флирль указывает на то, что С. Копельницкому во въезде в СССР было отказано. Получается – 16 человек. Кто же приехал семнадцатым в составе группы Мая?

Невзгодин И.В. в своей диссертации «Российско-нидерландские архитектурные связи первой трети XX века в Урало-Сибирском регионе», приводит поименный список членов интернациональной бригады Э. Мая в количестве 26 человек [27, С.66] : Аренс (Ahrens, Dipl.-Ing.); Байер (Bayer, Reg.-Baum. a. D.); Ганс Буркхард (Hans Burkhardt, Dipl.-Ing.); Фред Форбат (Fred Forbat, Dipl.-Ing. e.h.); Макс Фрюхауф (Max Fruhauf, Bauingenieur); Грасхоф (Grashof, Dipl.-Ing.); Густав Хазенпфлюг (Gustav Hassenpflug); Вильгельм Гаус (Wilhelm Hauss, Tiefbauingenieur); Вернер Хебебрандт (Werner Hebebrand, Reg.-Baun.a.D.); Ф. Ясперт (F.Jaspert. Dipl.-Ing.); Ойген Кауфман (Eugen Kaufmann, Architekt); Кольпеницкий (Kolpenitzky, Architekt); Вальтер Кратц (Walter Kratz, Architekt); Курт Либкнехт (Kurt Liebkneht, Prof. Dr.); Карл Леман (Karl Leman, Reg.-Baun.a.D.); график Ганс Лейстиков (Hans Leistikov, Graphiker); Альберт Лехер (Albert Locher, Architekt); Эрих Маутнер (Erich Mauthner, Dipl.-Ing. Architekt); Ганс Шмидт (Hans Schmidt, Dipl.-Ing.); Вильгельм Шютте (Wihelm Schuette); Грета Шитте-Лихоцкая (Gfete Schuette-Lihotzky, Architektin); Вальтер Шульц (Walter Schultz, Reg.-Baun.a.D.); Вальтер Швагеншайдт (Walter Schwagenscheidt, Architekt); Март Стам (Mart Stam, Architekt); Генрих Виллинг (Heinrich Willing); ландшафтный архитектор Ульрих Вольф (Ulrich Wolf, Gartenarchitekt).

На какой период пребывания группы Э. Мая в СССР составлен этот список? И почему он не включает членов так называемой «второй бригады Мая», приехавших, по свидетельству Курта Либкнехта, в СССР в 1931 г.: архитектора Эрнста Церата, инженера Бартошата, чертежника Хюфнера, австрийца Мозеттига и голландца Берта Ниенгуса, хотя именно в эту бригаду входил Фред Форбат, в списке И. Невзгодина упомянутый?

В другой своей работе [28, С.140] И. Невзгодин приводит еще один список из 35 человек, в котором дополнительно к своему списку из 26 человек называет еще девяти: Feldman, Hedwig; Gewin, H (Nederlander); Gondrom, Ernst; Grashof, Dipl.-Ing.; Kleinerts; Niemeyer, архитектор; Schultz Heinrich, Tollner, Ervin; Winter, Albert. Причем отмечает, что шестеро из них приезжают с женами: Gondrom, Erns; Kleinerts; Schultz Heinrich; Grashof, Dipl.-Ing.; Jaspert Fritz, Dipl.-Ing.; Kurt Liebkneht, Prof. Dr. Если это список включает тех, кто присоединился к группе Э. Мая через некоторое время, то, по данным И.А. Казуся, он должен быть значительно больше – И.А. Казусь пишет о том, что на 1 января 1933 гг. в Стандартгорпроекте всего

числилось (включая группу Э. Мая) 150 иностранных специалистов [22, С.158].

По утверждению исследовательницы творчества Э. Мая Писториус Эльке, в октябре 1930 г. вместе с Э. Маем прибыло 17 человек. Эта цифра, заметим, совпадает с данными «Строительного бюллетеня отдела коммерческой информации Телеграфного агентства СССР». Остальные, по утверждению Э. Писториус, приезжали позже по приглашению самого Э. Мая и членов его группы (например, Й. Нигемана (Johan Niegeman) позвал приехать в СССР его старый приятель Март Стам, прибывший вместе с Э. Маем в первом составе бригады). Но, перечисляя сотрудников группы Э. Мая, Э. Писториус называет еще две фамилии работавших с ним иностранных специалистов: Fritzsche, Keil.

А вот по данным архитектора Астрид Фольперт, с Э. Маем в Москву прибыло всего 14 человек [29, С.729].

Итак, в каком точно количестве прибыла в СССР бригада Э. Мая – 14, 16, 17, 23, 26, 35 или 37 человек? Каким образом и в силу каких причин потом изменялся ее численный и персональный состав? Кто и почему вливался в группу? Кто и из-за чего уезжал или переходил в другую проектную организацию? Является ли список из 37 человек полным? Сколько архитекторов, считая советских проектировщиков, работало совместно с архитекторами группы Э. Мая? По сведениям Т.А. Смолицкой, в группе Э. Мая работало 30 человек [30, С. 68]. Что это – численность только иностранных специалистов? Или сюда посчитаны также и советские? Строительный бюллетень отдела коммерческой информации Телеграфного агентства СССР в 1931 г. информирует об «усилении» группы Э. Мая «20 русскими архитекторами и 2 инженерами» [14, С.14]? Кто поименно входил в число этих 22 советских специалистов? И. Невзгодин называет 11 человек: Блохин Н.П., Бритцке, Букалова Л.М., Дружинина Т.Н., Гинзбург, Лавров В.А., Меерсон Д.С., Мостаков А.М., Зальцман А.М., Смолицкий А.С., Соколов [27, С. 66]. А кто остальные? Возможно, инженерами были С.В. Словачевский и Г.П.Кормер. Во всяком случае, Д.С. Меерсон, вспоминая о коллегах, с которыми он работал в 1930-1931 гг., упоминает именно их, наряду с архитекторами Былинкиным Н.П., Ревякиным П.П., Смирновым Н.Н. [30, С. 61]. Возможно, это также Феденев и Абрамов, которые 3 июля 1933 г. вместе с Маем, Гаспаряном, Ревякиным, Букаловой присутствуют от Стандартгорпроекта на заседании Сектора Планировки НТС НККХ [31, Л. 123]. Возможно, это Белопухов и Антокольский – они указаны в качестве присутствовавших со стороны Стандартгорпроекта вместе с Маем на заседании Комиссии НККХ от 3 октября 1933 г. [32, С. 16]. Скорее всего, с Э. Маем работали Н. Скорлотов, Зеленко, Шульман [31, Л. 2], В. Меннер, Гладков, Швердяев [31, Л. 5-об], которые вместе с ним также иногда присутствовали на различных заседаниях со стороны Стандартгорпроекта.

Кто отбирал специалистов для работы в группе Э. Мая? По какому принципу? Почему в его группу активно вливали кадры молодых специалистов? Ведь, например, работавшей с Маем Лидии Михайловне Букаловой в это время (в 1930 г.) было всего лишь 23 года (1907 г.р.), Абраму Соломоновичу Смолицкому – 24 года (1906 г.р.), Дмитрию Соломоновичу Меерсону – 31 год (1900 г.р.). Кто и почему подключал советских специалистов к работе немецких архитекторов, если, как отмечает Д. Шibaев, уже в начале 1933 г. «... в результате 2-х годичной работы группа иностранных и русских специалистов достигла ... 200 человек» [33, С.120]. Верны ли эти цифры? И.А. Казусь, например, приводит совершенно иные, указывая на то, что на 1 января 1933 г. в составе Стандартгорпроекта насчитывалось (вместе с отделениями) 633 человека [34, С.653].

8 октября 1933 г. Стандартгорпроект усиливается дополнительными кадрами проектировщиков – приказом по Наркомтяжпрому СССР в него вливается трест Вузстройпроект – Всесоюзный государственный трест по проектированию высших и средних учебных заведений, научно-исследовательских институтов и школ ФЗУ Наркомтяжпрома СССР, созданный за полтора года до этого (21 февраля 1932 г.) на базе института Гипровтуз. В 1933 г. в одном только тресте Вузстройпроект насчитывался 251 сотрудник (включая 76 членов ленинградского отделения), в том числе 45 архитекторов и инженеров, 45 техников, 40 чертежников. Кстати, здесь же продолжает работать группа немецких архитекторов во главе с Г. Майером.

После этого Стандартгорпроект получает новое наименование – Горстройпроект [35, С. 376-377]. В этот период он насчитывает уже около 1000 сотрудников. Кто из руководителей ведомственного проектного комплекса принимает решение об укрупнении Стандартгорпроекта? Исходя из каких соображений? Может быть, это укрупнение есть результат практического осуществления задачи снятия «слепок» с проектного подхода и самой методологии ускоренного градостроительного проектирования, которая, будучи замаскированной словами о «содействии в подготовке молодых специалистов», зафиксирована в договоре о приеме Э. Мая на работу в Цеккомбанк: «... содействие в подготовке молодых советских специалистов путем прохождения студентами высших технических учебных заведений своей производственной практики в Бюро и поднятие квалификации молодых специалистов, окончивших советские высшие технические

учебные заведения» . Согласно этому договору, Май обязуется принимать « ... в Бюро на производственную практику и на службу не менее 50 человек студентов и молодых советских специалистов, а если объем работ позволит, то и больше»⁵ .

Исторические исследования, как правило, однобоко освещают советский этап творчества Э. Мая. Неизвестна не только точная дата его приезда в СССР (см. выше), но даже точная дата его отъезда из СССР. Так, известнейший историк советской архитектуры С.О. Хан-Магомедов называет датой отъезда Э. Мая из СССР конец 1934 г. [26, С. 265]. Эту дату подтверждает и германская исследовательница Э. Писториус [35, С. 344]. 1934 год называет и немецкий архитектор А. Фольперт, правда, без привязки к конкретному месяцу [29, С.733]. При этом, Т. Флирль утверждает, что отъезд Э. Мая из СССР произошел на год раньше – в декабре 1933 г.

Существующие монографии, посвященные Э. Маю, детально рассматривают франкфуртский и африканский этапы его жизни, но оставляют почти совсем неизученным самый интересный, особенно для российского читателя, фрагмент его творческой биографии. А ведь он был одним из немногих западных архитекторов, усилиями которого в СССР за короткое время были разработаны не только конкретные генеральные планы городов нового типа, называвшихся «соцгородами», не только общие типовые схемы планировки жилых кварталов, но и сформирована технология ускоренного градостроительного проектирования.

Города-новостройки, которые проектировал Э. Май, создавались на пустом месте, подле заводо-гигантов первых пятилеток и возводились, фактически, «с нуля» – Магнитогорск, Нижний Тагил, Щегловск (Кемерово), Сталинск (Новокузнецк), Караганда, Балхаш, Ленинанкан, Ленинск, Автострой, Сталинград, Тьрган (Прокопьевск), Макеевка, Орск и др. И здесь незамедлительно встает очередной вопрос о том, каков же точный список генпланов соцгородов, разработкой которых руководил или принимал участие Э. Май?

И.В. Коккинаки указывает на то, что группа Э. Мая проектировала Магнитогорск, Новокузнецк (Сталинск), Макеевку, Орск – 4 соцгорода [36, С. 24]. С.О. Хан-Магомедов называет Щегловск, Кузнецк (Сталинск), Тьрган, Ленинск, Прокопьевск, Нижний Тагил, Автострой, Макеевку, Орск, Сталинград – 10 соцгородов [26, С. 265]. И.А. Казусь перечисляет: Магнитогорск, Нижний Тагил, Щегловск (Кемерово), Ягуново (правобережная часть Кемерово), Новокузнецк, Караганда, Ленинск-Кузнецкий, Тьрган (Прокопьевск), Орск, Балхаш, Ленинанкан, Макеевка. – 12 соцгородов.

О других проектах сведений нет. Однако если предположить, что Э. Май, как главный инженер треста Горстройпроект и начальник сектора планировки, руководил всеми градостроительными работами треста, то, вероятно, список проектов, выполненных трестом Горстройпроект за период с 1931 по 1934 гг. является, одновременно, списком работ, выполненных с участием Э. Мая: Ленинанкан, Майнефть, Ростов, Сталинград, Брянск, Тула, Кашира, Москва, Горький, Нижний Тагил, Орск, Магнитогорск, Челябинск, Новосибирск, Щегловск, Анжерка, Кемерово, Сталинск (Новокузнецк), Ленинск, Прокопьевск, Красноярск, Караганда, Хабаровск, т.е., как минимум, 23 объекта (рис.20).

Т.А. Смолицкая называет почти то же самое количество генеральных планов соцгородов, разработанных под руководством Э. Мая – 19. Но, перечисляя работы Горстройпроекта, выполненные в этот период, расширяет указанный выше список еще на шесть не названных соцгородов: Автозавод (Автозаводской район Нижнего Новгорода), Макеевка, Липецк, Дашхесан, Молотово, Балхаш [30, С. 68]. Известно, что в январе 1931 г. « ... арх. Май с некоторыми немецкими и русскими сотрудниками отправился в Сталинград, набросал там эскиз проекта нового города, который затем прорабатывался в бюро в Москве, сообщая с группой архитекторов управления Сталинградстроя» [6, С.14]. Итого, 29 соцгородов.

Германский исследователь творчества Э. Мая Т. Флирль добавляет в список такие поселения как Богословск, Лопатинск, Машиностроитель (Александровск, Пермский край) и, вслед за И.А. Казусем, упоминает Ягуново. Итого – 33.

Число генпланов, которых касалась рука Э. Мая, может резко возрасти, если учесть встречающиеся в периодической печати тех лет указания на «разработанные группой Э. Мая типовые генеральные планы шахтных поселков» (причем, в количестве нескольких десятков [30, С. 62]) из «стандартных деревянных домов на 800 чел., применявшиеся в донбасском строительстве в 1931 г.» [37, С. 49] , а также на Урале и в Кузбассе [30, С.62].

Если предположить, что хотя бы некоторая часть из числа генпланов рабочих поселков, которые Цekomбанк наметил к строительству в 1931 г., проектировалась в стенах его проектного бюро силами группы Э. Мая, то к числу проектных работ, возможно, следует добавить что-то из нижеприведенного списка: «Березники, Соликамск, Уралмашстрой (под Свердловском), Ураласбест (ст. Баженово, Перм. жел. дор.),



Рис. 20. Илл. «Точки планировки Горстройпроекта». (Источник: Марк Э.А. Этапы развития Горстройпроекта // Планировка и строительство городов. –1934. – № 7-8., – С. 5.)

Уралмедьстрой (ст. Средняя), Карата и Карабаш (Челябинская обл.), Кр. Сормово (Новгородский край), Элиста (Калмыцкая АО), поселок при резиновом комбинате у г. Ярославля, Хибинь, Мурманск, Караганда (Казахстан)» [38, С. 90].

Все эти списки и исторические свидетельства требуют уточнения и аргументированного обоснования.

Кстати, нет полной ясности и в отношении той должности, которую занимал Э. Май. Первоначально, согласно договору Э. Мая с Цekomбанком от 15 июля 1930 г., он приглашен на работу в должности главного инженера. Позднее, после создания объединения Союзстандартжилстрой, он остается работать в той же должности. Об этом указано в «Строительном бюллетене отдела коммерческой информации Телеграфного агентства СССР» № 74 за 1931 г.: «... с 16 апреля группа арх. Мая по постановлению СНК передана из Цekomбанка в Союзстандартжилстрой, при этом арх. Э. Май назначен главным инженером объединения» [14, С. 14]. Но исторические сведения, собранные И.А. Казусем, свидетельствуют о том, что должности «главного инженера объединения» (Союзстандартжилстрой) не существовало вообще. По его данным, Всесоюзное государственное объединение по проектированию, планировке и строительству рабочих городов союзной промышленности, заводскому изготовлению и сборке стандартных жилищ и производству новых строительных материалов для стандартного жилищного строительства ВСНХ СССР, именуемое «Союзстандартжилстрой», было создано в соответствии с приказом ВСНХ СССР № 175 от 1 апреля 1931 г. и имело в 1932-1933 гг. руководящий орган в составе 4-х человек: управляющего (Я.П. Шмидт), двух заместителей управляющего (Н.Ф. Стариков, А.Г. Зиль), помощника управляющего (А.Г. Туркенидзе). Должность «главного инженера» отсутствовала. Зато имелся коллективный совещательный орган – научно-технический совет (председатель М.В. Крюков), состоящий из трех секторов: сектор производственно-строительный (председатель А.В. Барановский), сектор новых материалов и деталей (председатель Розенталь), сектор конструкций (председатель М.Н. Лопухин, заместитель председателя Б.В. Гладков, члены: С.М.Сулис, П.Н. Блохин, С.С. Корвин-Круковский, И.С. Гуревич, Р.Е. Брилинг). Э. Май являлся членом сектора конструкций [34, С. 653].

И.А. Казусь указывает на то, что Э. Май с 8 февраля 1932 г. являлся начальником Сектора Планировки. В то же время, в протоколе расширенного совещания бригады НККЗ РСФСР совместно с представителями местных учреждений и организаций по вопросу о планировке города Магнитогорска и об обеспечении строительства этого города проектами от 22 сентября 1932 г. Э. Май значится как главный архитектор

Стандартгорпроекта [39, Л.110]. При этом, сам Э. Май в письме руководства Стандартгорпроекта в Коллегию Наркомхоза от 23 ноября 1932 г. подписывается как «главный архитектор по Магнитогорску». И.А. Казушь свидетельствует, что в 1932-1933 гг. Э. Май занимал должность главного инженера Стандартгорпроекта (затем его сменил на этом посту Б.В.Гладков [22, С. 158]), а Г.Б. Красин в своем «Открытом письме Стандартгорпроекту о планировке Магнитогорска», опубликованном в № 6 журнала «Планировка и строительство городов» за 1933 г., называет его «заместителем главного инженера» [40, С.22] .

Вопросы о том, на какой должности работал Э. Май в Стандартгорпроекте и существовала ли в 1931 г. должность главного инженера объединения Союзстандартжилстрой, и действительно ли с апреля 1931 г. ее занимал Э. Май, в каком статусе он работал в 1932 и 1933 гг. – открыт. Причем, это не случайный и не второстепенный, а весьма существенный и даже ключевой вопрос, так как в советской системе руководства общегосударственной структурой проектного дела (в этот период уже практически сформированной) роль начальства в определении технологии производства проектных работ, ее направленности и ее содержания была определяющей. Особенно – роль главного инженера. Если Э. Май входил в состав руководства объединения, да еще в этой ключевой должности, то он не мог не влиять на определение методологии и форм организации проектного процесса, более того, должен был отвечать за все это непосредственно и персонально.

Если учесть обязанности, возложенные на Э. Мая по договору с Цekomбанком, то миссия по созданию образцовых проектов «города нового типа» – «социалистического города», была одной из ключевых: «составление проектов строений, новых по своей идее, например, жилых домов-комбинатов, отвечающих всем современным требованиям по санитарному, бытовому и культурному обслуживанию населения, а также составление с учетом тех же требований проектов рабочих поселков и новых социалистических городов; ... разработка мероприятий по рационализации и стандартизации строительства жилых домов и других гражданских сооружений, а также по улучшению методов проектировки и выполнения комплексного строительства городов и поселков; с применением всех новейших достижений в области строительства, как конструктивных, так и в организации метода строительства и оборудования жилищ ... разработка типовых проектов жилых домов и других гражданских сооружений ...»⁵. Особенно, если учесть, что никто не знал, как это делать. Никто не знал, каким должен быть соцгород, в отличие, например, от социалистического рабочего поселка, проектно весьма многосторонне проработанного за предыдущие годы [41, С. 340]. Но этот вопрос – тема следующей статьи.

Примечания

¹ Точная дата не установлена

² В составе делегации: член президиума Моссовета т. Желтов, начальник Московского управления недвижимыми имуществами т. Н. Попов (Сибиряк), управляющий Строительной конторой Московского Совета т. Крюков, председатель Рогожско-Симоновского районного совета т. Вежис (Современное жилищное строительство на Западе. М.: Новая Москва, 1925. С.П.)

³ К сожалению, не удалось установить ведомственную принадлежность Делового клуба. Известно лишь, что доклад Э. Мая был посвящен вопросам организации строительства новых городов.

⁴ Договоры с Э. Маем от 15.07.1930 (Цekomбанк) и 05.02.1932 (Стандартгорпроект) из архива Германского национального музея в Нюрнберге (Germanisches Nationalmuseum Nürnberg, Nachlass Ernst May). Личный архив Э. Мая (АВК, NL May), любезно предоставленный господином Т. Флирлем (Thomas Flierl) (Германия), за что автор выражает ему благодарность.

⁵ Договор с Э. Маем от 15.07.1930 (Цekomбанк) из архива Германского национального музея в Нюрнберге. Личный архив Э. Мая (АВК, NL May).

⁶ Договор с Э. Маем от 05.02.1932 (Стандартгорпроект) из архива Германского национального музея в Нюрнберге (Germanisches Nationalmuseum Nürnberg, Nachlass Ernst May). Личный архив Э. Мая (АВК, NL May).

Библиография

1. Май Э. Планировка городов и новое жилищное строительство в Германии / Э. Май // Русско-германский вестник науки и техники. – 1930. – № 6-7 (8-9). – С. 69-76.

2. Современное строительство Германии. Первая заграничная экскурсия инженеров-строителей и архитекторов. – М.: Гостехиздат. 1929. – 224 с.

3. Аркин Д. Строительство городов на Западе – в тисках кризиса / Д. Аркин // Коммунальное дело. – 1931. – № 4. – С. 66-78.
4. Гегелло А.И. Из творческого опыта. Возникновение и развитие архитектурного замысла / А.И. Гегелло. – Л.: Гос. изд-во по строительству, архитектуре и строительным материалам, 1962. – 375 с.
5. Май Э. Поселковое строительство (опыт Франкфурта) // Д. Аркин. Архитектура современного Запада. – М.: Изогиз, 1932. – С. 166-178.
6. Захарова И. В. Эрнст Май и планировка социалистических городов Кузбасса / И. В. Захарова // Сибирская архитектурно-художественная школа. XX лет: мат. всерос. науч.-практ. конф. – Новосибирск: НГАХА, 2009. – С.147-152.
7. Эль Лисицкий. Баухауз в Дессау // Строительная промышленность. – 1927. – № 1.
8. Богданов Н. Как строят за границей (Впечатления недавней поездки за границу) / Н. Богданов // Строительная промышленность. – 1926. – № 2.
9. Вольфензон Г. Впечатления о поездке в Германию, Францию, Австрию и Швецию (по путевым заметкам) / Г. Вольфензон // Строительная промышленность. – 1928. – № 11-12.
10. Углов В. Рабочий поселок в Бритци // Строительная промышленность. – 1927. – № 4.
11. Аранович Д. Баухауз – Дессау // Строительная промышленность. – 1928. – № 10.
12. Бабуров В. Поселок Georggsrten в Целли / В. Бабуров // Строительная промышленность. – 1928. – № 1.
13. Российский государственный архив экономики: Путеводитель. – вып. 3: Фонды личного происхождения. – М.: Галерея, 2001. – 312 с.
14. Иностранцы специалисты в ССЖС // Строительный бюллетень отдела коммерческой информации Телеграфного агентства СССР. – 1931. – № 74.– С. 14.
15. О привлечении специалистов из заграницы - Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР (Протокольное. Гриф «Секретно») от 15 февраля 1927 г. // Индустриализация Советского союза. Новые документы. Новые факты. Новые подходы. Ч. 2. – М. : Институт Российской истории РАН, 1999. – 303 с.
16. В Москву приехал германский архитектор проф. Май // Вечерняя Москва. –1930 г. – № 100 (1914) – С. 3.
17. РГАЭ. Ф. 5471. Оп. 5. Ед. хр. 73. 17 л., Л.15.
18. А.К. Умеем ли мы строить? Наше жилищное строительство в оценке германского архитектора // Вечерняя Москва. – 1930. – № 109 (1923) – С.2.
19. Германский архитектор в Москве. Доклад проф. Май в 1 МГУ // Вечерняя Москва. –1930. – № 101 (1915) – С. 3.
20. Жуковский А.А. Архитектура улицы и площади / А.А. Жуковский // Планировка и строительство городов. – 1933. – № 9.– С. 22-23.
21. Зальцман А.М., Меерсон Д.С. Архитектура соцгорода и его элементов / А.М. Зальцман, Д.С. Меерсон // Планировка и строительство городов. – 1934.– №.7-8. – С. 13.
22. Казусь И.А. Советская архитектура 1920-х гг.: организация проектирования / И.А. Казусь. – М., 2009. – С. 151-152.
23. Госплан СССР. Пятилетний план народно-хозяйственного строительства СССР. Строительная и производственная программа плана. Т.2. Ч.1. 2-е изд. –М.: Плановое хозяйство. 1929. – 488 с.
24. Лугановский Э. В. К работам правительственной комиссии / Э. В. Лугановский. – М.-Л.: Гостехиздат. 1931. – 22 с.
25. Хроника строительства // Строительство Москвы. – 1930. – № 11. – С. 40.
26. Хан-Магомедов С.О. Архитектура советского авангарда: в 2 кн. Кн. 2: Социальные проблемы / С.О. Хан-Магомедов. – М.: Стройиздат, 2001. – 712 с.
27. Невзгодин И. В. Российско-нидерландские архитектурные связи первой трети XX века в Урало-Сибирском регионе: дис. канд. арх. / И. В. Невзгодин. – Новосибирск: НГАХА, 2002. – 249 с.: ил.
28. Nevzgodin Ivan. Het Nieuwe Bouwen in West-Siberië: architectuur en stedenbouw in de jaren 1920-1940, Delft: TU Delft, Faculteit Bouwkunde, 2004. – S. 140.
29. Фольперт А. В поисках места для общего житья. Архитектор Баухауз из Дессау Филипп Тольцинер в Советском Союзе (1931-1996 гг.) / А. Фольперт // Россия и Германия в XX веке. Т. 3. Оттепель, похолодание и управляемый диалог. Русские и немцы после 1945 г. – М. АИРО-XXI, 2010. – С. 720-752.

-
30. Смолицкая Т.А. К истории отечественного градостроительства 30-60-х годов XX века. Л.М. Букалова и А.С. Смолицкий (100 лет со дня рождения). – М.: ЛКИ, 2007. – 256 с.
31. ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 1. Ед. хр. 7679. 256 л., Л. 123.
32. ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 1. Ед. хр. 7673. 114 л., Л. 16.
33. ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 1. Ед. хр. 7675. 180 л., Л. 120-121.
34. Казусь И.А. Организация архитектурно-градостроительного проектирования в СССР: этапы, проблемы, противоречия (1917-1933 г.): дис. ... кандидата архитектуры / И.А. Казусь. – М. 2001. – 667 с.
35. Писториус Э. О работе Эрнста Мая в Советском Союзе (1930-1934 гг.) / Под ред. Н.Н. Макаровой, Н.С. Фроловой // Социалистический город и социокультурные аспекты урбанизации: сб. мат. междунар. науч. конф. – Магнитогорск: МаГУ, 2010 – 382 с.
36. Коккинаки И.В. Проектная деятельность группы Эрнста Мая в 1930-е годы в СССР // Проблемы истории советской архитектуры: сб. науч. тр. № 2. Материалы заседаний сектора истории советской архитектуры. – М. ЦНИИ градостроительства, 1976. – С. 19-24.
37. Покшишевский С. Жилище и шахта / С. Покшишевский // За социалистическую реконструкцию городов (Сорегор). – 1932. – № 5-6. – С. 47-50.
38. Строительство новых городов // Коммунальное дело. – 1931. – № 4. – С. 90-91.
39. ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 1. Ед. хр. 7667. 216 л., Л. 110.
40. Красин Г.Б. Открытое письмо Стандартгорпроекту о планировке Магнитогорска / Г.Б. Красин // Планировка и строительство городов. – 1933. – № 6. – С. 22-24
41. Меерович М.Г. Рождение и смерть города-сада: градостроительная политика в СССР. 1917-1926 гг. (от идеи поселения-сада к советскому рабочему поселку) / М.Г.Меерович. – Иркутск: ИрГТУ, 2008. – 340 с.

Статья поступила в редакцию 05.12.2011

HISTORY OF ARCHITECTURE

ERNST MAY: «RATIONAL» HOUSING FOR RUSSIA

Meyerovich Mark G.

Professor, Irkutsk State Technical University,
Irkutsk, Russia

Abstract

The article discloses the principal reason for inviting the well-known German architect E. May in the late 1920s to the USSR, which is similarity with the municipal housing programmes in Germany in the mid-to-late 1920s, on the one hand, and the requirements for housing commissioned by Soviet authorities for workers and employees using public money: low cost, standardisation, rationality, suitability for mass construction, maximum design and construction speed, etc. on the other hand. Another similarity was participatory financing. In the Soviet variant, it became a sort of analogue to the German one: a) government loans for municipal housing construction, b) assets and funds provided by developing agencies, c) funds contributed by Soviet housing cooperatives (i.e. contributions by workers from their pay). As well as in Germany, housing construction was commissioned by city authorities; plus industry's ministry in the role of customer. The Soviet Union, as well as Germany, considered such centralisation of financing and town-planning as a policy capable of ensuring "rationalised" housing construction.

The article is based on analysis of a wide range of archival materials and other primary sources. It formulates hypotheses and poses questions that require further profound studying.

Key words:

garden city, Soviet workers' settlement, Socialist town, industrialisation, the town-planning policy in the USSR